

Глава 22. Обретение дома

— Ну и холодина! Дай руку, согрею.

Ещё не забрезжил рассвет, а Цзинь Линьэр, закинув за плечи дорожный узел, уже шагал сквозь метель. В одной руке он держал фонарь, другой крепко сжимал ладонь Сунь Цинфэна.

Цинфэну от этого невыносимо горячего прикосновения стало не по себе. Он с силой вырвал руку:

— Под ноги смотри. О себе думай.

— Брат, ты чего? — Линьэр, видя, что тот опять замыкается в себе, принялся судорожно перебирать в уме свои вчерашние поступки. Не найдя за собой никакой вины, он лишь недоумённо пожал плечами и снова упрямо схватил спутника за руку.

Завывал северный ветер, швыряя в лицо пригоршни колючего снега.

Некоторое время Линьэр молча приглядывался к спутнику. Убедившись, что тот больше не вырывается, он перенял его напускную суровость и со смешком протянул:

— Ишь какой стал... Вырос, значит? И за руку подержать уже нельзя?

Цинфэн гневно зыркнул на него, шумно фыркнул и отвернулся.

Не пускаться же ему в объяснения, что он, чёрт возьми, давно уже вырос дальше некуда. Любые слова прозвучали бы сейчас глупо и неловко.

Линьэр торжествующе рассмеялся и шагнул вперёд, высоко поднимая фонарь, чтобы разогнать утренний мрак.

Час был слишком ранний, дорога пустовала. Поскольку в эти горы они поднимались впервые, да ещё и в предрассветных сумерках, тропу то и дело теряли. Приходилось возвращаться, плутать и подолгу стоять на развилках, из-за чего путь сильно затянулся.

Но вскоре клубящееся море облаков пришло в движение. Луна скатилась за горизонт, уступая место утреннему светилу. Из тумана, точно спелый яичный желток, вылупилось багровое солнце, расплескав по небу золотые потоки света.

Заворожённый этим великолепным зрелищем, Линьэр позабыл обо всём на свете. Потянув Цинфэна за собой, он взбежал на край обрыва. Отсюда, сверху, казалось, будто они парят

прямо над облаками.

Они замерли у самого края, глядя вдаль. Бесконечное море тумана поглотило подножия гор, и лишь их острые вершины пробивали облачную пелену, напоминая побеги молодого бамбука.

Картина была величественной и первозданной.

Вскоре солнце поднялось выше, заливая мир ослепительным блеском. Облака поредели, обратившись в тончайшую сквозную кисею, что лениво ластилась к горным склонам. Лучи пронизывали туман насквозь — казалось, распахнулись небесные чертоги и незримые девы полощут шелка в призрачных волнах.

Мир вокруг окрасился в багрянец и золото. Само время точно застыло, обратившись в монолит.

Лишь когда алый диск взобрался в зенит, Линьэр наконец очнулся. Ему почудилось, будто душа его на мгновение покинула тело, совершив полёт к самым звёздам.

Эти несколько минут показались ему вечностью. Но стоило обернуться, как он увидел: Цинфэн всё так же стоит рядом и смотрит прямо на него.

Вновь пустившись в путь, они лишь к полудню добрались до главных ворот школы Хуашань.

Перед величественной аркой, овеваемый ледяным ветром, стоял Чжоу Синъюнь.

Хотя ученики Хуашань и следовали Дао, монашеский обет принимали далеко не все. Впрочем, одевались они одинаково: в чёрные одеяния и шапочки-тайцзи, а различие между мирянами и монахами крылось лишь в наличии духовного имени. Статус же определялся узором на плечах халата: у внешних учеников красовались сосновые ветви, у внутренних — плывущие облака.

Однако одеяние Чжоу Синъюня отличалось от остальных. На его плечах, как и у самого главы школы Сюэ Чжэнъяна, серебром были вышиты журавли в облаках — знак того, что он является прямым учеником мастера. Благородные птицы, искусно вплетённые в ткань серебряной нитью, оживали при каждом движении, словно вот-вот сорвутся в полёт, придавая юноше поистине неземной вид.

Боясь опоздать, Линьэр припустил бегом.

— Старший брат, прости за опоздание! — закричал он ещё издали. — Засмотрелись на рассвет, да и метель опять разыгралась. Не замёрз тут? Прости, ради всего святого!

В монастырской тишине Хуашань, где веками царил покой, его звонкий голос прозвучал подобно грому. С заснеженных ветвей с криком сорвалась стая птиц, осыпав мужчин

серебристой пылью.

Синъюнь небрежным жестом стряхнул снег с плеч и улыбнулся:

— Нам, закалённым тренировками, стужа нипочём. Тропы здесь глухие, чужаку и впрямь не угадать дорогу. Я и сам порывался спуститься к подножию, чтобы встретить вас, да учитель строго-настрого велел ждать у ворот. Так что вина скорее моя.

Услышав заботливое «не замёрз тут?», Цинфэн недовольно отвернулся.

Линьэр, заметив это, тут же перехватил его ладонь и принялся усердно греть в своих руках.

— Брат всю дорогу меня торопил, — с улыбкой пожаловался он Синъюню. — Да только красота здесь такая, что глаз не оторвать. Вот я и застрял.

— Мудрый находит радость в водах, а человеколюбивый — в горах. Восхищение природой — это тоже путь к самопознанию, — понимающе кивнул Синъюнь. — Ну что же, пойдёмте. Если двинемся сейчас, то поднимемся на Западный пик как раз к тому времени, когда учитель закончит утреннее созерцание.

Дождавшись, пока Линьэр переведёт дух, он повёл гостей внутрь обители.

Крутые склоны Хуашань в снегопад становились по-настоящему опасными. Однако Линьэр трудностей не замечал. Сгорая от любопытства, он так и засыпал провожатого вопросами.

Синъюнь терпеливо объяснял:

— Наша школа обосновалась на этих кручах много веков назад. В прежние времена праотцы уединялись в пещерах для созерцания. Позже, когда учеников стало больше, здесь возвели сорок девять обителей. Глава школы живёт на вершине Западного пика, в Обители Омовения духа. Остальные шесть старейшин занимают другие монастыри, среди которых обители Чистой пустоты и Немыслимой чистоты.

— Ничего себе просторы! — изумился Линьэр. — Раз уж все так разбросаны по горам, вы хоть в гости друг к другу ходите?

Синъюнь негромко рассмеялся:

— Наш удел — безмолвное служение Дао, так что суета нам чужда. В семи главных храмах установлены огромные медные колокола. Если случается что-то важное, звонари бьют в набат, и все, услышав призыв, собираются в Обители Нефритового источника у восточного подножия.

Линьэр лишь восхищённо цокнул языком.

Синъюнь перевёл взгляд на хмурого спутника Линьэра. Проявляя вежливое любопытство, он спросил:

— Позволь узнать имя твоего старшего брата?

Цинфэн, не поворачивая головы, глухо обронил:

— Сюэ Фэн.

— Знаешь, — задумчиво протянул Синъюнь, — мне всё кажется, будто мы встречались прежде.

Хотя Талисман призрачного рождения и позволял полностью изменить облик, на поддержание иллюзии требовалось слишком много духовной энергии, да и действовал он от силы два года. Чтобы поберечь силы, Линьэр и Цинфэн изменили лишь черты лица, оставив прежними рост и телосложение.

Линьэр неловко почесал переносицу и поспешил вмешаться:

— Брат у меня... больно уж видный мужчина. Если ты бывал в Чанъани, то наверняка мог заметить его в уличной толпе. К таким лицам всегда взгляд приковывается.

Маска Цинфэна была, конечно, посимпатичнее уродливой личины Линьэра, но всё равно делала его лицо совершенно заурадным — просто правильные черты, не более того.

Синъюнь окинул взглядом этого абсолютно невзрачного человека. Не понимая, с чего вдруг младший считает его писаным красавцем, он решил не спорить, а лишь вежливо заметил:

— Я питаю слабость к хорошему оружию. И ещё на постоялом дворе заметил, что меч почтенного Сюэ — вещь незаурядная.

Линьэр растерялся. Как выкрутиться из этого положения? Он бросил на Цинфэна полный отчаяния взгляд, безмолвно моля о помощи.

Цинфэн остался невозмутим.

— Оружие не моё, — ровно ответил он. — Нашёл случайно. Говорят, это искусная копия древнего клинка «Губитель душ». Настоящие «Губитель душ» и «Отражающий зло» — великие артефакты, повторить их невозможно, но подделок на рынках пруд пруди.

— Наша школа лишилась своей величайшей реликвии, и это невосполнимая утрата, — со вздохом отозвался Синъюнь. — Но даже если твой клинок — лишь копия, выполнен он превосходно. Должно быть, сама судьба привела тебя с ним на Хуашань.

Синъюнь всегда знал меру в расспросах. Почтительно кивнув, он закрыл тему и вскоре подвёл спутников к воротам Обители Омовения духа.

Миновал полдень, но снегопад и не думал утихать.

Глава школы Сюэ Чжэнъян жил в обители затворником. Предупредить его о визите было некому, а потому все трое покорно застыли перед запертыми дверями храма.

— Тебе не холодно? — Линьэр, переживая, что Цинфэн замёрзнет, по привычке обхватил его руками, совершенно не заботясь о приличиях.

Под пристальным взглядом Синъюня Цинфэн почувствовал себя крайне неловко. С силой разжав объятия Линьэра, он процедил сквозь зубы:

— Веди себя прилично.

Наконец тяжёлые створки обители распахнулись. На пороге показался Чжэнъян.

Увидев троицу, застывшую перед входом подобно ледяным изваяниям, он изумлённо изогнул бровь и проворчал:

— Чего вы тут выстроились, как истуканы? Если бы я не открыл, так и стояли бы, пока в сосульки не превратились? Ну и дуболомы!

— Учитель, — с виноватой улыбкой заговорил Синъюнь, — сегодня день принятия в ученики, мы решили, что подобает соблюсти чин.

Чжэнъян досадливо отмахнулся:

— С точки зрения Дао нет ни ценного, ни ничтожного. Это люди привыкли возвеличивать одно и презирать другое. В моей обители нет деления на чины и звания, так что впредь будьте умнее и не майтесь дурью.

Линьэр украдкой разглядывал мастера. От вчерашней щемящей тоски на лице Чжэнъяна не осталось и следа. Видимо, духовный уровень наставника был так высок, что мирские горести не могли надолго потревожить его душу. Линьэр вздохнул с облегчением и, набравшись смелости, спросил:

— Значит, я могу частенько приходить к тебе в гости? Поболтать, например?

Синъюнь удивлённо уставился на наглого мальчишку.

Суровое лицо Чжэньяна на миг застыло. Он пристально посмотрел на юношу, словно взвешивая что-то на невидимых весах. Затем его взгляд прояснился, в нём отразилось глубокое умиротворение — точно он отпустил старое бремя, чтобы принять новое. Наставник усмехнулся:

— Завтра я уйду в глубокий затвор. Но если сумеешь меня отыскать — милости прошу.

— Какая жалость, — совершенно серьёзно вздохнул Линьэр.

В главном зале Обители Омовения духа высились величественные изваяния Трёх Чистых. В воздухе плыли тонкие струйки благовонного дыма, наполняя храм покоем.

Линьэр и Цинфэн встали плечом к плечу посреди зала. Чжэньян молча застыл перед божественными ликами.

Вскоре Синъюнь принёс из бокового придела чёрное монашеское одеяние на деревянном подносе, бережно опустил его перед Линьэром и беззвучно встал одесную учителя.

Поклонившись божествам, Чжэньян не оборачиваясь заговорил ровным, будничным голосом:

— Наша школа зиждется на учении Дао, берущем начало от Тайшан Лаоцзюня и завершённом владыкой Дунхуа. Мы принадлежим к северной ветви школы Цюаньжэнь — Пути совершенной истины. Наш орден предписывает познавать разум и созерцать истинную природу вещей, искоренять страсти, безропотно сносить обиды и умирять плоть ради блага ближних. Впрочем, как по мне, усмирение страстей и терпение обид — дело вкуса. Можете соблюдать, а можете и пренебречь.

Он обернулся и посмотрел Линьэру прямо в глаза:

— Ты не принимаешь монашеский сан, а потому забивать голову догматами тебе ни к чему, да и обеты соблюдать не придётся. Запомни лишь одно: познавай собственную суть и помогай людям, даже если ради этого придётся поступиться собственным покоем.

В этот миг Линьэр осознал: наставник не просто раскрыл его обман. Ему было ведомо и о тренировках по книге «Божественного искусства Золотого облика», и о той страшной цене в виде человеческой крови, которую юноше приходится платить за свою силу.

Опустившись на колени, Линьэр склонился до самого пола:

— Сюэ Няньлан покорно принимает волю учителя!

Чжэнъян не любил долгих речей и напускной торжественности. Он самолично собрал волосы Линьэра в пучок, закрепил заколкой под шапочкой-тайцзи и помог облачиться в чёрные одежды. Затем юноша совершил поклоны перед алтарём Трёх Чистых и принёс клятву верности наставнику. Вручив новоявленному ученику резной нефритовый жетон, Чжэнъян завершил обряд.

Линьэр чувствовал себя как во сне. Всё происходящее казалось нереальным, словно зыбкая утренняя дымка.

В глубине души его не покидало смутное предчувствие: на Хуашань он долго не задержится.

И всё же, преисполненный глубокого почтения, он трижды коснулся лбом холодного пола перед Чжэнъяном.

Вчерашние поклоны предназначались дяде — Линьэр передавал ему запоздалую тоску и раскаяние покойной матери. Сегодняшние же были данью уважения учителю. Отныне этот суровый человек встал для него в один ряд с родителями и Цинфэном — теми, кого он безмерно чтит и любил.

Поручив Синъюню обустроить Линьэра в ученической обители и взять на себя его обучение, Чжэнъян велел Цинфэну остаться.

Синъюнь увёл Линьэра. По дороге он негромко рассказывал:

— Всего у нашего мастера двадцать внутренних учеников, из которых лишь пятеро удостоились чести стать прямыми учениками. Теперь, когда пришёл ты, у нас появился шестой — наш самый младший брат.

Линьэр то и дело оглядывался назад, явно пропуская слова мимо ушей:

— Старший брат, как думаешь, зачем учитель оставил Цинфэна наедине?

— Намерения наставника всегда сокрыты от нас, я не дерзну гадать, — мягко ответил Синъюнь.

— И всё же... Ты наверняка прекрасный мастер, но ведь я — личный ученик главы школы. Почему же он перепоручил меня тебе? Неужто сам учить не хочет?

Синъюнь с улыбкой покачал головой:

— Боевые искусства Хуашань разделены на две школы: Секту Меча и Секту Ци. Лишь редкие гении способны постичь оба направления, и наш учитель — один из них. Путь к вершине мастерства подобен подъёму на крутую гору: чем выше взбираешься, тем уже и опаснее тропа. Последние годы наставник почти не выходит из затвора, сделав исключение лишь ради нынешнего набора учеников.

— Но какой толк от великой силы, если ради неё приходится запираяться от всего мира? — недоумевал Линьэр.

— Люди разные, — пожал плечами Синъюнь. — Одни грезят о судьбах Поднебесной, другие сгорают в огне безумной страсти. Кто-то трепетно оберегает красоту, а кто-то безжалостно губит её ради забавы. Одни купаются в роскоши, другие довольствуются горстью риса и глотком воды. Здесь нет правых и виноватых. Каждому своё.

— Похоже, я слишком узко мыслю, — вздохнул Линьэр. — Впрочем, мне и правда многого не надо. Лишь бы брат был рядом, а там — хоть трава не расти.

— Ваша преданность друг другу вызывает искреннее уважение, — в голосе Синъюня проскользнула тень застарелой печали. Страхнув наваждение, он продолжил: — Пока учитель пребывает в созерцании, забота о новичках ложится на плечи старших учеников. Первый и второй братья давно перешагнули тридцатилетний рубеж и сейчас странствуют по свету. Четвёртый и пятый приняли монашеский сан и безвылазно сидят в своих пещерах. Вот и выходит, что один я бездельничаю, а потому и присматриваю за тобой.

— Значит, ты постигаешь путь меча?

— Нет, я, как и учитель, иду обоими путями.

— Потрясающе, — вяло отозвался Линьэр, чьи мысли витали далеко отсюда.

Синъюнь оказался на редкость открытым и доброжелательным человеком, охотно отвечавшим на любые расспросы. Линьэр же цеплялся за любую тему для разговора, лишь бы заглушить тревогу за Цинфэна.

Из этих расспросов он узнал, что все новоприбывшие ученики обязаны сначала провести время в Павильоне Вопросания Дао при Обители Нефритового источника. Там они изучали канонические трактаты, постигали азы управления внутренней энергией-ци и тренировали тело. Лишь заслужив одобрение мастера, они могли приступить к изучению истинных боевых техник Хуашань под руководством наставника или старших братьев.

Заметив, что паренёк всё равно грустит, Синъюнь решил поднять ему настроение.

— Хочешь, открою один секрет? Только смотри, учителю ни слова, договорились?

Линьэр мигом оживился и закивал головой, как китайский болванчик:

— Могила! Я нем как рыба!

— Иероглифы твоего имени на нефритовом жетоне вырезаны особым образом — каждая черта состоит из двух тонких линий. Всё потому, что клинок нашего наставника имеет обоюдоострую заточку, — Синъюнь заговорщицки подмигнул, на миг растеряв всю свою благообразность. Склонившись к уху Линьэра, он прошептал: — Вчера в Обители Омовения духа всю ночь горел свет. А на рассвете, перед утренним созерцанием, я заглянул в окно и увидел, что учитель уснул прямо на твоём новом халате.

Эти слова согрели сердце Линьэра, заставив на время забыть о тревогах.

Как личному преемнику главы школы, Линьэру выделили отдельное жилище. Впрочем, комнатой это место назвать было трудно — то была древняя рукотворная пещера, Обитель Скопленных облаков, высеченная в крутом склоне Западного пика.

Прямо у входа весело журчал чистый горный источник, а в сотне шагов к востоку с шумом низвергался водопад, пробивавшийся сквозь расселину в скале. У подножия раскинулась бамбуковая роща, склоны утопали в изумрудной зелени сосен, а искрящиеся сугробы и хрустальные сосульки довершали картину. Даже тот, кто ничего не смыслил в законах природы, замер бы в благоговении перед этой благословенной обителью.

Проводив Синъюня, Линьэр накинул плотный плащ, вытащил из пещеры маленький деревянный табурет и уселся у самого входа.

Ему было не до местных красот. Устремив взгляд на извилистую тропку, уходящую к вершине пика, он преданно ждал возвращения Цинфэна.

Так пролетела большая часть дня.

К вечеру буря утихла, и горы залил мягкий закатный свет. Последние лучи ласково коснулись фигуры спускающегося по склону мужчины.

Раздвигая сухую траву у края тропы, путник стряхивал с пальцев ледяную пыль. Солнце искрилось на его заиндеветых, прямых, как мечи, бровях, отражалось в глубоких, звёздных глазах и заставляло сверкать покрытую ледяным панцирем дорожку под его ногами.

— Брат! — воскликнул Линьэр и с сияющим лицом бросился ему навстречу.

Лицо Цинфэна оставалось бледным и суровым, но в глубине его тёмных глаз затеплился едва заметный огонёк. Стоило Линьэру подбежать ближе, как эта сдержанная нежность, подобно подземному термальному источнику, медленно поднялась на поверхность, согревая его взгляд.

Линьэр с разбегу прыгнул на него:

— Брат, я так соскучился!

— И полдня не прошло, чёрт бы тебя побрал. Чего там скучать? — проворчал Цинфэн, однако покорно подался вперёд и поймал ураганом налетевшего юношу, прижимая к груди.

— Я не «чего», я по тебе скучал, — не унимался Линьэр.

— Дуралей, — беззлобно бросил Цинфэн.

Подхватив оставленный у входа табурет, он на руках отнёс Линьэра в пещеру.

Осмотрев Обитель Скопленных облаков, Цинфэн остался доволен. Мебель, сундуки, утварь, запасы крупы и муки — всё было на месте, а в углах не виднелось ни пылинки. Было очевидно, что жилище приготовили на совесть. Скомандовав Линьэру разжечь очаг, он отправился к источнику за водой, чтобы замесить тесто.

Вскоре вода в котле весело заклокотала, а над пещерой потянулся тонкий сизый дымок.

Линьэр с радостным криком бросился к выходу, спеша позвать Цинфэна варить клёцки. Однако из-за чар талисмана его глаза превратились в узкие щёлочки. Стоило ему улыбнуться, как веки окончательно сомкнулись, лишив его обзора.

Закономерный итог не заставил себя ждать: споткнувшись о подвернувшийся валун, парень ласточкой полетел на землю, растянувшись прямо у порога.

Серьёзных увечий Линьэр не получил, но, заметив, что Цинфэн даже не думает спешить на выручку, притворно насупился. Усевшись на землю, он зажмурился, набрал в грудь побольше воздуха и прочистил горло, готовясь выдать оглушительный рёв.

В этот момент к дверям как раз подошёл Цинфэн. Удерживая в руках разделочную доску, он легонько толкнул парня мыском сапога в плечо:

— Хорошая собака дорогу не загораживает. А ну брысь отсюда со своими слезами.

— А-а-а, больно же! — Линьэр взвыл на одной ноте.

Его фальшивое лисье лицо с тонкими, мелкими чертами исказилось в такой уморительной гримасе, что он стал походить на вороватого хорька.

Цинфэн застрял на пороге. Пнуть этого оболтуса по-настоящему он не мог, утешать не хотел, а ругаться было лень. Держа доску одной рукой, он обречённо возвёл очи к небу, безмолвно вопрошая вселенную, за что ему это наказание.

— Больно... — скулил Линьэр, сквозь едва приоткрытые веки воровато подглядывая за реакцией спутника.

Цинфэн, решив идти до конца, опустился на одно колено и навис над ним. Уставившись на притворщика тяжёлым взглядом, он крепко ухватил его за щёку и безжалостно потянул в сторону:

— Давай, реви дальше. Не обращай на меня внимания. Поглядим, у кого терпения больше.

Поняв, что его раскусили, Линьэр вспомнил, как нелепо выглядит его нынешняя личина, и смутился. Выдав для проформы ещё пару всхлипов, он мгновенно сменил пластинку:

— Брат, ты, должно быть, проголодался?

Утерев лицо рукавом, он как ни в чём не бывало вскочил на ноги, забрал у Цинфэна разделочную доску и весело поспешил к котелку.

Цинфэн лишь покачал головой от такой беспардонности. Шагнув следом за парнем, он пригляделся к нему. Увидев, что кончик носа и веки у того действительно слегка покраснели, он подивился его умению мгновенно переключаться и спросил:

— Ты вообще всерьёз выл или так, дурака валял?

Линьэр, обрадованный вниманием, шмыгнул носом и честно попытался выдавить хотя бы одну слезинку. Поняв, что ничего не выходит, он вздохнул:

— Проголодался я, теперь плакать не получается.

Цинфэн не выдержал и негромко фыркнул. Он злился на нелепые капризы мальчишки, но на душе почему-то стало на редкость легко и весело.

Да и чему тут радоваться? Глупость же чистой воды. И всё равно хотелось улыбаться.

Отогнав эти мысли, Цинфэн легонько пихнул Линьэра плечом:

— Отойди лучше. Столько раз тебе показывал, а ты даже простейшие клёцки сварить не можешь.

Очаг, сложенный из дикого камня, располагался у самого входа. Огонь уже весело лизал дно котла, но каменная плита по бокам оставалась ледяной.

Линьэр бесцеремонно уселся прямо на эту плиту, подперев подбородок ладонями:

— Но ты ведь сам говорил: развёл костёр, вскипятил воду, бросил тесто, а как сварится — вытаскивай да ешь. Что я не так делаю?

Цинфэн принялся шумовкой снимать пену со щелкающего варева:

— Я тебе и спать ложиться велю в своей постели, да только ты почему-то упорно лезешь под моё одеяло, — ворчал он, но тут же осёкся, сообразив, что спорить с мальчишкой о подобных глупостях взрослому мужу не пристало. Смутившись, он добавил: — Лоб уже здоровый, а ума как у воробушка.

Сидя на каменном выступе, Линьэр всё равно оставался ниже Цинфэна. Поймав момент, он внезапно обхватил его руку и, словно ласковый щенок, прижался щекой к крепкому плечу:

— Да я же младше тебя на две сотни лет! Не стыдно тебе со мной препираться?

— Руки убрал! — Цинфэн вспыхнул от досады. Ему порой казалось, что этот негодник видит его насквозь. Стряхнув капли воды с деревянной ложки, он легонько стукнул парня по лбу: — Сюэ Чжэнъян тебя раскусил. И не тронул лишь потому, что в нём заговорил голос крови. Впредь будь начеку. На этой горе верить нельзя никому, кроме него. Понял?

— Понял, понял, не сердись, — закивал Линьэр.

Когда Цинфэн был рядом, его сердце пело от счастья. А в такие минуты, когда они дурачились, эта чистая, детская радость и вовсе грозила выплеснуться через край.

Чтобы не лопнуть от переполнявших его чувств, Линьэр решил непременно поделиться этим теплом с Цинфэном — стать ещё ближе, буквально слиться воедино.

Недолго думая, он быстро, как крылом бабочки, коснулся губами суровой щеки мужчины:

— Не злись, брат. Я буду во всём тебя слушаться.

Слова эти, приторно-сладкие, как липовый мёд, шли от самого сердца.

Пока ошарашенный Цинфэн хватал ртом воздух, Линьэр ловко соскользнул с плиты, крикнул на ходу: «Я за мисками!» — и шустрым хорьком юркнул в глубь пещеры.

— Ах ты паршивец!.. — взревел Цинфэн, побелев от ярости.

Но стоило мальчишке скрыться из виду, как гнев сошёл на нет, а лицо мужчины вспыхнуло пунцовым румянцем.

Напустив на себя самый свирепый вид — хоть сейчас вешай табличку «Осторожно, злая собака», — он принялся ожесточённо тереть щёку рукавом, сердито бурча под нос:

— Ещё раз такое выкинешь, паршивец... я из тебя всю душу вытрясу! Собственными руками выпорю!

Впрочем, он тут же вспомнил, как однажды строгий учитель отхлестал Линьэра линейкой по ладоням так, что они распухли, и тот потом неделю шёл на занятия как на каторгу. Цинфэн нахмурился. Мальчишка ведь жутко боится боли, вдруг затаит обиду или начнёт дичиться?

— Наказание какое-то... — вздохнул он, качая головой. — Сильно бить нельзя. По мягкому месту шлёпнуть? Пару раз... Да нет, одного хватит.

Ночь опустилась на горы, убаюкав мир.

Сосновый бор казался бескрайним тёмным океаном. Вокруг царила первозданная, звенящая тишина. Лишь холодный лунный свет заливал вершины, и заснеженные склоны отражали его, светясь ровным серебряным сиянием, похожим на гладь разлившейся реки.

У входа в Обитель Скопленных облаков лениво колыхались на ветру пёстрые ритуальные ленты. Внутри же жарко полыхал очаг, наполняя пещеру сухим, уютным теплом.

Они уселись у каменного стола. Манерничать за едой оба не привыкли, так что тишину пещеры нарушал лишь весёлый стук палочек о глиняные плошки.

— Брат, о чём вы говорили с наставником? — спросил Линьэр, прищулив глаза.

— Да так, ни о чём, — уклончиво отозвался Цинфэн.

Линьэр притворно вздохнул:

— Ох, вырос мальчик... Стал скрытным, со старшими делиться не хочет.

Говорил он это с самым наглым видом, явно издеваясь над разницей в их истинном возрасте.

— Цыц, мели поменьше, — Цинфэн зачерпнул полную ложку клёцек и бесцеремонно запихнул её парню в рот. — Раз тебя отослали, значит, разговор был не для твоих ушей.

Проглотив свою порцию, он недовольно добавил:

— Определил он меня прислугой в Павильон Вопросания Дао, что у подножия Западного пика. Будешь там грызть гранит науки, а я — махать метлой да кашеварить, как заправская кухарка.

— И ты из-за этого расстроился? — Линьэр с трудом прожевал угощение.

— Ещё чего, — фыркнул Цинфэн. — Наставник велел строго разделять пищу в Павильоне. Монахи мяса не едят, а вот мирским ученикам без него никак нельзя. Так что мне поручили разводить живность и готовить мясные блюда.

— Значит, он точно обо всём догадывается. Но как? Это же была наша тайна!

— Мать твоя была женщиной незаурядной, дед — человеком выдающимся, а ты... — Цинфэн ловко отправил в рот пострелу очередную порцию клёцек, обрывая расспросы. — А ты обыкновенный дуралей. Ешь давай и ложись спать. Павильон в трёх ли отсюда. Утром я тебя провожать не стану, так что если проспишь и огребёшь от старших — пеняй на себя.

Линьэр с удовольствием принимал заботу, послушно открывая рот, и вскоре напрочь позабыл обо всех расспросах.

Опомнился он лишь тогда, когда, сытый и довольный, уже лежал на лежанке в исподнем.

В глубине пещеры тускло горел масляный светильник. Фитиль почти прогорел, и над чашей вился тонкий шлейф горьковатого дыма.

Линьэр лежал, глядя в сторону выхода. За порогом стояла непроглядная тьма, но силуэт Цинфэна вырисовывался в ней удивительно чётко.

На заснеженной площадке перед входом Цинфэн стоял по пояс обнажённым. На его бледной, почти прозрачной коже темнели многочисленные шрамы — следы былых сражений.

В последние годы он не щадил себя на тренировках, закаляя плоть изо дня в день. Его тело преобразилось: плечи и грудь налились сухой, мощной силой, а на животе рельефно проступили кубики мышц.

Сейчас он мало походил на того измождённого человека, которого Линьэр встретил когда-то.

Парень попытался вспомнить их первую встречу, но, к своему удивлению, не сумел воскресить в памяти прежний облик спутника. «Наверное, потому, что мы ни разу не расставались, — подумал он. — Зачем вспоминать то, что всегда перед глазами?»

Цинфэн зачерпнул пригоршню чистого снега и принялся растирать плечи. Из-за неестественно низкой температуры его тела снег не таял мгновенно, позволяя смыть пот и грязь. Такой суровый способ омовения давно стал для него привычным в зимнее время.

Глядя на его лоснящуюся от холодной влаги грудь, Линьэр почувствовал, как к щекам приливает жар. Устыдившись странного волнения, он с головой зарылся в одеяло, решив больше не подглядывать.

Но стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором вновь возник этот образ.

Цинфэн медленно шёл к нему из темноты. В его печальных глазах таилась вековая тоска, на широкой груди белел глубокий шрам, а сердце билось так глухо, что его едва можно было расслышать. И всё же с самой первой их встречи Линьэр знал: их жизни, кровь и даже сами души связаны неразрывными узами.

Вскоре Цинфэн вернулся в пещеру, запер дверь и, задув фитиль светильника, забрался под своё одеяло.

— Я ледяной, близко не подходи, — предупредил он. — Простудишься ещё.

Линьэр лишь поворочался с боку на бок. Из головы не шли мысли о Чжэньяне — вдруг наставник наговорил Цинфэну каких-то резкостей, ранивших его и без того истерзанную душу?

Выждав немного времени, пока спутник согреется, Линьэр бесшумно переполз под его одеяло. Примостив голову на его плече, он тихо спросил:

— И всё-таки, о чём вы говорили?

Цинфэн, которого обдало живым человеческим теплом, недовольно отстранился:

— Сказал, что ты несносный баламут и мне нужно набраться терпения.

— Ну уж нет, не верю! — Линьэр упрямо прижался теснее, буквально прилипнув к его боку. — Если бы он так сказал, ты бы с порога начал меня этим попрекать. Уж я-то тебя знаю.

Поняв, что спорить бесполезно, Цинфэн вздохнул и перестал сопротивляться:

— Не хочешь спать — не мешай другим. Я закрываю глаза.

— А я знаю, о чём вы говорили, — заговорщицки прошептал парень.

— Да неужели? Всё-то ты знаешь, — донеслось из темноты.

Линьэр картинно вздохнул и заговорил рассудительно, точно умудрённый опытом старец:

— Ну посуди сам. Если бы он ругал меня, ты бы уже сто раз припомнил мне это в назидание. Если бы хвалил — тоже давно бы сдался и выложил всё, лишь бы я отвязался. Раз ты молчишь, значит, разговор шёл о тебе самом. И наверняка о чём-то нехорошем. Боишься, что я расстроюсь? Или... боишься, что я разочаруюсь в тебе?

Цинфэн даже растерялся от такой пронизательности. Быстро сориентировавшись, он просто зажал болтуну рот ладонью:

— С чего это мне тебя бояться? Тоже мне, гроза морей.

Линьэр шутливо прикусил его ладонь и негромко рассмеялся:

— Конечно, не боишься. Это я тебя боюсь. И очень переживаю, что дед мог наговорить тебе резкостей. Но ты не думай об этом. Я ведь лучше всех знаю, какой ты на самом деле, так что пускай другие болтают что хотят. Главное — чтобы ты не грустил.

Взгляд Цинфэна, прежде холодный и колючий, потеплел. словно весеннее солнце коснулось вековых ледников, обращая их в прозрачные ручьи.

Поняв, что буря в душе спутника улеглась, Линьэр тут же решил воспользоваться моментом:

— Брат, ты мне сто лет сказок не рассказывал.

— Так ты же вечно ворчишь, что они скучные.

— А сегодня вдруг захотелось. Ну давай!

— Ладно, слушай, — нехотя сдался Цинфэн. — Жил-был серый волк. И был у него непослушный мальчишка, который никак не хотел спать. Волк его взял и съел. Вот и сказке конец, закрывай глаза.

— Не спится мне, — Линьэр осторожно ткнул пальцем в крепкий живот Цинфэна, наткнулся на упругие мышцы и просто прижал к ним тёплую ладонь. — Столько месяцев мы скитались, спали под открытым небом... Жили как перекасти-поле, только друг за друга и держались. А теперь у нас наконец-то появился свой угол. Место, где мы можем бросить якорь. Я так рад этому, брат.

Цинфэн уже засыпал, и его привычная суровость уступила место сонной мягкости. Накрыв ладонь юноши своей рукой, чтобы тот перестал елозить, он тихо проговорил:

— Ладно, расскажу тебе одну историю. Случилась она две сотни лет назад. Хочешь ты или нет, а слушать придётся.

Не дожидаясь ответа, Цинфэн монотонно заговорил, глядя в темноту:

— Я вспомнил об этом сегодня, когда увидел цветные ленты у входа в нашу пещеру. Двести лет назад город на горе Цинмин звался Мона, и все его жители истово верили в Будду. Но тамошняя вера отличалась от срединных земель: монахам и мирянам позволялось заводить семьи и рожать детей. Главным было искренне веровать.

Линьэр интуитивно почувствовал, что сказка окажется безрадостной. Навалившаяся усталость брала своё, он крепче прижался к Цинфэну и пробормотал:

— Семья — это хорошо. А дети — ещё лучше... Старший брат Чжоу говорил, что хуашаньским даосам тоже не возбраняется жениться.

Цинфэн не улыбнулся. Его голос прозвучал на удивление холодно:

— Правитель города Мона был верным последователем Будды. Он мечтал лишь об одном — спасти все живые существа от страданий. Как спас? Читал сутры, помогал беднякам. Но когда войско государства Гуйфан подступило к Белому морю, ему пришлось повести людей на смерть. Бесчисленные кости, оставшиеся гнить в диких степях, стали его новыми чётками. Враги, умывшись кровью, затаили лютую обиду. Ночью они вскарабкались по отвесным кручам Цинмин и окружили город. Никто не ожидал такого коварства. Главнокомандующий Белого моря Чжао как раз гостил у правителя, слушая его проповеди, и тоже оказался в ловушке.

Линьэр задумчиво протянул:

— На горе Цинмин царит вечное запустение, своими силами там зиму не пережить. Как же они спасались? Наверняка варвары из Гуйфан времени зря не теряли: заперли город и одновременно ударили по равнинам Байхай. А воинство Белого моря, оставшись без предводителя, не знало, как держать оборону...

— У правителя был друг, — продолжил Цинфэн. — Тот умирал на границе Белого моря, но

правитель выходил его, не пожалев сил и средств. Спасённый оказался странствующим даосом, но к какой школе принадлежал — бог весть. Известно лишь, что он страдал от жуткого недуга, лишавшего его сил. Единственным спасением для него, согласно древним трактатам, была тёплая человеческая кровь. И тогда правитель, подобно Шакьямуни, кормившему тигрицу собственной плотью, стал добровольно отдавать ему свою кровь. Эта жертва в итоге принесла свои плоды.

— Даос призвал небесное воинство и снял осаду? — предположил Линьэр.

Цинфэн горько усмехнулся:

— Если бы он мог творить такие чудеса, зачем бы ему было прятаться под крылом правителя? Нет, он лишь смыслил в ковке артефактов. У него хранился древний свиток с записями могущественных техник. Одну из них, самую разрушительную, он и открыл правителю и воеводе Чжао. А те поведали о ней горожанам. Обезумев от отчаяния, люди поверили, что с помощью этой силы две тысячи ополченцев смогут сокрушить стотысячную орду Гуйфан.

Линьэр почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он прижал руку к груди Цинфэна, пытаясь прервать его:

— Если бы в мире существовала подобная сила, войн бы вообще не случилось. Брат, сказка у тебя выходит слишком жуткой. Даосы так не умеют. Давай лучше спать.

Цинфэн бережно подоткнул ему одеяло:

— Тебе это кажется нелепой выдумкой. Но сыну правителя, который поутру увидел спящий город, утопающий в крови, было не до смеха. Кровь десяти тысяч человек уже пролилась, вспять время не повернуть. Правитель был стар. Он умолял даоса забрать его жизнь ради завершения ритуала, но тот ответил, что человеческий сосуд должен выдержать колоссальное напряжение до тех пор, пока печать не будет выкована. Старик просто умер бы на полпути. Быть может, даос лгал, не желая гибели друга? Кто знает. Как бы то ни было, на алтарь принёс себя младший сын правителя — самый никчёмный и бесполезный из всей семьи.

До Линьэра наконец дошёл страшный смысл этих слов. Даос из рассказа был лисом Ху Цзю, правитель — отцом Цинфэна, а сам рассказчик поведал сейчас собственную историю.

Прежде Цинфэн лишь вскользь упоминал о своём прошлом, но никогда ещё не рисовал столь подробных, безжалостных и кровавых картин.

С пугающим хладнокровием Цинфэн продолжал свой тихий монолог:

— Ху Цзю выковал Золотую печать. Воевода Чжао принял её и в одночасье овладел «Божественным искусством Золотого облика». Моё же тело поглотило призрачную злобу,

вернув меня к жизни. Даос ушёл, заставив нас дать двухсотлетний уговор. И мы вдвоём с генералом Чжао вырезали всю стотысячную орду гуйфаньских собак.

Он перевёл дыхание и глухо закончил:

— В тот год гора Цинмин окрасилась в багровый цвет. На Утёсе Осеннего клёна не хватало места для трупов. Но эта победа была куплена жизнями десяти тысяч невинных душ, и повторить её невозможно. А враги... враги подобны сорной траве. Стоит подуть весеннему ветру, и они прорастают вновь.

Перед глазами Линьэра стояло кровавое марево. Слезы застыли в глазах, уступив место немому ужасу. Почувствовав, как от Цинфэна веет могильным холодом, он приподнялся, бережно обхватил его лицо ладонями и прижал к своей груди:

— Прости меня, брат... Прости. Я больше никогда в жизни не попрошу тебя рассказывать сказки.

Ему хотелось согреть Цинфэна всем своим существом, растопить тот лёд, что сковал его душу двести лет назад.

Цинфэн тихо, примиряюще рассмеялся:

— Ну вот и подумай: сколько лет топчет землю твой наставник, а сколько — я? У кого из нас больше опыта и мудрости? Мне глубоко плевать на его мнение, и чужие речи меня не задевают. Так что прекращай сопلي на кулак наматывать.

Линьэр тихо ответил:

— Ты сам учил меня: во что верить, чему следовать и к чему стремиться — решать только мне. Нельзя слепо верить чужим словам, нужно до всего доходить своим умом. Кто бы и что бы мне ни нашептывал, как бы тебя ни чернили, я всегда буду предан тебе одному.

— Золотые слова. Мой... — Цинфэн довольно прищурился. Ему безумно захотелось похвалить парня, назвать его как-то по-особенному, но нужные слова не шли на ум. «Мой Линьэр»? Нет, слишком приторно и странно.

Проглотив признание, он просто ласково взъерошил юноше волосы:

— А все эти храмовые бредни про «самопожертвование ради ближних» — чушь собачья. Кому стало лучше от наших страданий? Из двадцати тысяч жителей города Мона половина сдалась без боя, а половина полегла в степи. Когда улеглась пыль, на горе Цинмин остались лишь двое: один обратился в пьющую кровь чудовище, а второй — в беспощадного демона-асуру. Запомни: жертвовать собой — это не великий подвиг и не благодать. Это удел слабых, у которых просто

не осталось иного выбора.

— Брат, я не стану жертвовать собой почём зря, — прошептал Линьэр. — Но я обещаю: я буду защищать тебя. Всю жизнь.

— Не мели чепухи, защитник выискался, — в уголках глаз Цинфэна блеснули слёзы. Он склонился и прижался губами к его лбу — не ради поцелуя, а просто чтобы почувствовать живое тепло, уловить этот чистый, бьющий через край запах юности и жизни. — Я прикончу Ху Цзю, чего бы мне это ни стоило. Тебе не нужно бояться и уж тем более приносить себя в жертву. Живи так, как велит сердце. Я ни за что не утащу тебя за собой в преисподнюю. Мой долг — сберечь тебя для этого мира.

— Брат, ложись спать, не пугай меня, — тихо попросил Линьэр.

Этот робкий голос подействовал на Цинфэна отрезвляюще. Тьма, клубившаяся в его душе, отступила, уступая место умиротворению. Словно очнувшись от кошмара, он мягко проговорил:

— Больше историй у меня для тебя нет, так что спи давай. Доволен? Угомонился наконец?

О том, что конкретно наговорил ему Сюэ Чжэньян, Цинфэн так и не обмолвился ни словом. Но Линьэр без труда обо всём догадался.

На сердце у него было беспокойно. Юноша твёрдо решил во что бы то ни стало проявить себя на занятиях с лучшей стороны — пусть дед увидит, что Цинфэн воспитал его достойным человеком.

На следующее утро Цинфэн проснулся ни свет ни заря. И дело было вовсе не в боязни проспять занятия Линьэра — его разбудило странное ощущение сырости и тепла под одеялом.

«Неужто этот оболтус в постель надул?» — первой мыслью пронеслось в голове.

Цинфэн порывался растолкать соню, но вовремя передумал — парень ведь сгорел бы со стыда, а то и разревелся бы от обиды. Осторожно нагрев у очага чистый валик, он подsunул его Линьэру под бок взамен сырого белья, а сам бесшумно вылез из постели и принялся искать чистую сменную одежду и простыни.

Линьэр сладко посапывал во сне, крепко сжимая подушку руками и что-то бессвязно бормоча.

Поняв, что тот принимает подушку за него, Цинфэн невольно коснулся своей щеки. Откинув

край одеяла, чтобы помочь парню переодеться, он внезапно осёкся. Никакой это был не детский недуг — у Линьэра случилась первая ночная поллюция.

Ещё когда Цинфэн готовил для него праздничную лапшу на совершеннолетие, он понимал, что мальчик вырос. Но тогда это казалось лишь условностью.

Только сейчас, соприкоснувшись с этой переменной лицом к лицу, он осознал, сколько других деталей прежде ускользало от его внимания. Ребёнок действительно стал мужчиной.

Что означало это взросление?

То, что они делили кров и пищу уже долгих четыре года.

Четыре года... Срок немалый, но пролетевший как один миг. Словно солнце, совершающее свой вечный бег с востока на запад: для человека это лишь смена двенадцати страж, а для вселенной — миллионы преодолённых вёрст.

За эти тысячу четыреста шестьдесят дней они познали и нужду, и радость, пережили немало тревог и мгновений чистого счастья. Простая похлёбка в дождь, ароматный свежесваренный рис у очага — в каждой съеденной вместе крошке они ощущали подлинный вкус жизни.

Конечно, не каждый день запечатлелся в памяти. Многие воспоминания унёс ветер времён, иные растаяли с первыми лучами рассвета, оставшись лишь смутными снами. Лишь горсть самых драгоценных мгновений навсегда укоренилась в их сердцах.

Но именно ради этих редких минут Цинфэн готов был пройти свой путь до конца, ни о чём не жалея. И пускай судьба порой разила безжалостно, точно клинок, он лишь улыбался ей в ответ, глядя на бескрайнее море и высокое небо.

«Живи так, как тебе хочется, — тихо прошептал он, бережно укрывая спящего юношу. — А все невзгоды твой брат возьмёт на себя».

<http://bllate.org/book/18425/1862594>